

<В левом верхнем углу красным карандашом рукой неустановленного лица сделана запись: напечатано въ «Русск<.> Старинѣ» 1885 № 9 - ред.>

1

Наконецъ то я, кажется, могу <Было: могу, кажется, - ред.> поговорить съ тобою по пространнѣе и повѣрнѣе. Но прежде чѣмъ напишу строчку спрошу тебя: Скажи ты мнѣ ради Господа Бога, почему ты мнѣ до сихъ поръ не написалъ ни одной строчки? И могъ-ли я ожидать этаго? Вѣришь-ли[?]/, что въ уедин[н]/е/нномъ, замкнутомъ положеніи моемъ, я нѣсколько разъ впадалъ въ настоящее отчаяніе, думая что тебя нѣтъ и на свѣтѣ, и тогда по цѣлымъ ночамъ раздумывалъ что было-бы съ твоими дѣтьми, и клялъ мою долю, что не могу быть имъ полезнымъ. Другой разъ, когда я узнавалъ навѣрное что ты живъ, меня брала даже злоба, (но это было въ болѣзненные часы, которыхъ у меня было много) и я горько упрекалъ тебя. Но потомъ и это проходило; я извинялъ тебя, старался приискать всѣ оправданія, успокоивался на лучшихъ, и ни разу не потерялъ въ тебя вѣры: я знаю, что ты меня любишь и хорошо обо мнѣ вспоминаешь. Я писалъ тебѣ письмо черезъ нашъ Штабъ. До тебя оно должно было дойти навѣрное, я ждалъ отъ тебя отвѣта и не получилъ. Да неужели же тебѣ запретили? Вѣдь это разрѣшено и здѣсь всѣ политическіе получаютъ по нѣскольку писемъ въ годъ. Дуровъ получалъ нѣсколько разъ, и много разъ на запросы начальства о письмахъ разрѣшеніе писать ихъ подтверждалось. Кажется я отгадалъ настоящую причину твоего молчанія: Ты, по неподвижности своей, не ходилъ просить полицію, или если и уходилъ, то успокоился послѣ перваго отрицательнаго отвѣта, можетъ быть отъ такого человѣка который и дѣла-то не зналъ хорошенько. Ты мнѣ доставилъ этимъ много и эгоистическаго горя: Вотъ, подумалъ я, если онъ и о письмѣ не можетъ выхлопотать, будетъ-же онъ хлопотать объ чемъ нибудь важнѣе для меня! Пиши и отвѣчай скорѣе, а прежде всего пиши официально, не ожидая случая, и пиши подробнѣе и пространнѣе.

// л. 15

Я теперь отъ васъ какъ ломоть отрѣзанный, и хотѣлъ бы прирасти да не могу. Les absents ont toujours tort. Неужели и между нами это должно случиться? Но не беспокойся я въ тебя вѣрю.

Вотъ уже недѣля какъ я вышелъ изъ каторги. Это письмо посылается тебѣ въ глубочайшемъ секретѣ, и объ немъ никому ни полслова. Впрочемъ я пошлю тебѣ письмо и официальное, черезъ штабъ Сибирскаго Корпуса. На официальное отвѣчай немедленно, а на это, при первомъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ и въ официальном [излагай] ты *долженъ* изложить самымъ подробнымъ образомъ, все главное о себѣ, [въ] за всѣ эти 4 года. Что-же касается до меня, то я бы радъ былъ послать тебѣ [о] цѣлые томы. Но такъ какъ и на это письмо едва имѣю время, то и напишу главнѣйшее.

Что главнѣйшее? И что именно, въ послѣднее время было для меня главное? Какъ подумаешь, [да пора] такъ и выйдетъ что ничего не упишу я тебѣ въ этомъ письмѣ. Ну какъ передать тебѣ мою голову, понятія, все что я прожилъ, въ чемъ

убѣдился, [за все] и на чемъ остановился во все это время. Я не берусь за это. Такой трудъ рѣшительно невозможенъ. Я ни одного дѣла не люблю дѣлать въ половину, а сказать что нибудь, ровнешенько ничего не значить. Впрочемъ главная реляція передъ тобой. Читай и выжимай что хочешь. Я обязанъ это сдѣлать и потому принимаюсь за воспоминанія.

Помнишь-ли, какъ мы разстались съ тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только[-]/ч/то ты [и оставилъ меня, скрывать <нрзб.> слезъ,] /оставилъ меня/, насъ повели, троихъ, Дурова, Ястржембскаго и меня, заковывать. Ровно въ 12 часовъ, т. е. ровно въ Рождество, я первый разъ надѣлъ кандалы[.]/. Въ нихъ было фунтовъ 10 и ходить [чер] чрезвычайно неудобно. Затѣмъ насъ посадили въ открытые сани, каждого особо, съ жандармомъ, и на 4^{хъ} саняхъ <В рукописи: санявъ – ред.>, фельдъегерь впереди, мы отправились изъ Петербурга. У меня было тяжело на сердцѣ, и какъ-то смутно, /неопредѣленно/ отъ многихъ разнообразныхъ ощущеній. Сердце жило какой-то суетой, и потому ныло и тосковало глухо. Но свѣжій воздухъ оживлялъ меня, и такъ какъ, обыкновенно передъ каждымъ новымъ шагомъ въ жизни, чувствуешь какую-то живость

// л. 15 об.

и бодрость, то я въ сущности былъ очень спокоенъ, и пристально глядѣлъ на Петербургъ, проѣзжая мимо празднично освѣщенныхъ домовъ, и прощаясь съ каждымъ домомъ въ особенности. Насъ провезли <В рукописи: произвели - ред.> мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освѣщеніе. Ты сказалъ мнѣ что у него ёлка, что дѣти съ Эмили Оедоровной отправились [туда] /къ нему/, и вотъ у этого дома[,] мнѣ стало жестоко грустно. Я какъ будто простился съ дѣтками <В рукописи ошибочно: детенками - ред.>. Жаль ихъ мнѣ было, и потомъ, уже год[ъ]/ы/ спустя, какъ много разъ я вспоминалъ о нихъ, чуть не со слезами на глазахъ. Насъ везли на Ярославль, и потому къ утру, послѣ трехъ или 4^{хъ} станцій, мы остановились чѣмъ свѣтъ въ Шлиссельбургѣ въ Трактирѣ. Мы налегли на чай, какъ будто цѣлую недѣлю не ѣли. Послѣ 8^{ми} мѣсяцевъ заключенія, мы такъ проголодались на 60 верстахъ зимней ѣзды, что любо вспомнить. Мнѣ было весело, Дуровъ болталъ безъ умолку а Ястржембскому видѣлись какіе-то необыкновенные страхи въ будущемъ. Всѣ мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. [Это б] Оказалось, что это былъ славный старикъ, добрый и человѣколюбивый до насъ, какъ только можно представить, человѣкъ бывалый, бывшій во всей Европѣ - съ депешами. Дорогой онъ намъ сдѣлалъ много добра. Его зовутъ Кузьма Про<ко>фичъ Прокофьевъ. Между прочимъ онъ насъ пересадилъ въ [кр] закрытыя сани, что намъ было очень полезно; потому что морозы были ужасные. Другой день былъ праздничный, я[r]/м/щики садились къ намъ въ армякахъ сѣро-нѣмецкаго сукна съ алыми кушаками, на улицахъ деревень [кр] ни души. Былъ чудеснѣйшій зимній день. Насъ везли пустыремъ, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки рѣдкіе, не важные. Но мы выѣхали въ праздничную пору и потому вездѣ было что [е]/ѣ/сть и пить. Мы мерзли ужасно. Одѣты мы были тепло, но просидѣть н. прим. часовъ 10, не выходя изъ кибитки и сдѣлать 5, 6 станковъ, было почти невыносимо. Я

промерзалъ до сердца, и едва могъ [оттаить себ] отогрѣться [въ] потомъ въ теплыхъ комнатахъ. Но, чудно, - дорога поправила меня совершенно. Въ Пермской губерніи мы выдержали одну ночь[,] въ сорокъ градусовъ. Этого тебѣ не рекомендую. Довольно неприятно. Грустная была минута переѣзда черезъ Уралъ. Лошади и кибитка завязли въ сугробахъ. Была метель. Мы вышли изъ повозокъ это было ночью и стоя ожидали, покамѣстъ вытащатъ повозки. Кругомъ снѣгъ, метель; [граница Е] граница Европы, впереди [таи] Сибирь и таинственная

// л. 16

судьба въ ней, назади все прошедшее – грустно было, и меня прошибли слезы. По всей дорогѣ на насъ выбѣгали смотрѣть цѣлыми деревнями, и несмотря на наши кандалы, на станціяхъ брали съ насъ въ три дорога. Одинъ Кузьма Прокофѣичъ, взялъ чуть-ли не половину нашихъ расходовъ на свой счетъ, взялъ насильно, и такимъ образомъ, мы [добровольно нашелся] [выгодъ отъ э] [от] заплатили только по 15 руб. сереб. каждый за трату въ дорогѣ. 11го Января мы пріѣхали въ Тобольскъ, и послѣ представленія начальству и обыска, гдѣ у насъ отобрали всѣ наши деньги, были отведены; я, Дуровъ и Ястржембскій въ особую [комнат] каморку, прочіе-же, Спѣшневъ и другіе, пріѣхавшіе раньше насъ сидѣли въ другомъ отдѣленіи, и мы все время почти не видались другъ съ другомъ. Хотѣлось-бы мнѣ очень подробнѣ поговорить объ нашемъ шестидневномъ пребываніи въ Тобольскѣ и о впечатлѣніи, которое оно на меня оставило. Но здѣсь не мѣсто. Скажу только что участіе, живѣйшая симпатія, почти цѣлымъ счастіемъ наградили насъ. Ссылные стараго времени, (т. е. не они а жены ихъ) заботились объ насъ какъ объ роднѣ. Что за чудныя души, испытанныя <В рукописи ошибочно: испытанные - ред.> 25 лѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ. Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но они присылали намъ, пищу, одежду, утѣшали и ободряли насъ. Я поѣхавшій налегкѣ, [и] не взявши даже своего платья, раскаялся въ этомъ. <Далее 4 строки густо зачеркнуты. – Ред.> Мнѣ даже прислали платья. Наконецъ мы выѣхали и черезъ три дня пріѣхали въ Омскъ. Еще въ Тобольскѣ я узналъ о будущемъ, непосредственномъ начальствѣ нашемъ. Комендантъ[,] былъ человекъ очень порядочный, но Плацъ-Маіоръ Кривцовъ[,] - каналья какихъ мало, мелкій варваръ, сутяга, пьяница, все что только можно представить отвратительнаго. Началось съ того что онъ [мен] насъ обоихъ, меня и Дурова, обругалъ дураками за наше дѣло, и обѣщался при первомъ проступкѣ наказывать насъ тѣлесно. Онъ уже года два былъ Плацъ-Маіоръ[ъ]/омъ/ и дѣлалъ ужаснѣйшія несправедливости. Черезъ 2 года онъ попалъ подъ судъ. Меня Богъ отъ него избавилъ. Онъ наѣзжалъ всегда пьяный (трезвымъ

// л. 16 об.

я его не видалъ) придирался къ трезвому арестанту и дралъ его подъ предлогомъ, что тотъ пьянъ[,] какъ стелька. Другой разъ [подъ пред] при посѣщеніи ночью, [подъ] за то что человекъ спитъ не на правомъ боку, за то что вскрикиваетъ или бредитъ ночью, за все, что только влезетъ въ его пьяную голову. Вотъ съ такимъ-то

человѣкомъ надо было безвредно прожить, и этотъ-то человѣкъ писалъ рапорты и подавалъ аттестаціи объ насъ каждый мѣсяцъ въ Петербургъ. Съ каторжнымъ народомъ я познакомился еще въ Tobольскѣ, и здѣсь въ Омскѣ расположился прожить съ ними четыре года. Это народъ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть къ дворянамъ превосходить у нихъ всѣ предѣлы, и потому, насъ, дворянъ, встрѣтили они враждебно и съ злобною радостію о нашемъ горѣ. Они бы насъ съѣли, если-бъ имъ дали. Впрочемъ посуди велика-ли была защита, когда приходится, жить, пить-ѣсть, и спать съ этими людьми нѣсколько лѣтъ, и когда даже некогда жаловаться, за безчисленностію всевозможныхъ оскорбленій, «Вы дворяне, желѣзные носы, насъ заклевали. Прежде Господиномъ былъ народъ мучилъ, а теперь хуже послѣдняго, нашъ братъ сталъ» вотъ тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 враговъ не могли устать /въ преслѣдованіи/, это было имъ любо, развлеченіе, занятіе, и если только чѣмъ спасались отъ горя, такъ это равнодушіемъ, нравственнымъ превосходствомъ, котораго они не могли не понимать и уважали и неподклонимостію ихъ волѣ. Они всегда сознавали, что мы выше ихъ. Понятія объ нашемъ преступленіи они не имѣли. Мы объ этомъ [молчали] молчали сами, и потому другъ друга не понимали, такъ что намъ пришлось выдержать все мщеніе и преслѣдованіе, которымъ они живутъ и дышать, къ дворянскому сословію. Жить намъ было очень худо. Военная каторга тяжеле гражданской. Всѣ четыре года я прожилъ безвыходно въ острогѣ, за стѣнами, и выходилъ только на работу. Работа доставалась тяжелая, конечно не всегда, и я, [случалось] случалось, выбивался изъ силъ, въ ненастье, въ мокроту, въ слякоть, или зимою въ нестерпимую стужу. Разъ я провелъ часа четыре, на экстренной работѣ, когда ртуть замерзла и было можетъ быть градусовъ 40 морозу. Я ознобилъ себѣ

// л. 17

ногу. Жили мы въ кучѣ, всѣ вмѣстѣ, въ одной казармѣ. Вообрази себѣ старое, ветхое, деревянное зданіе, которое давно уже положено сломать, и которое уже не можетъ служить. Лѣтомъ духота нестерпимая, зимою холодъ невыносимый. Всѣ полы прогнили. Полъ грязенъ на вершокъ, можно скользить и падать. Маленькія окна заиндевѣли, такъ что въ цѣлый день почти нельзя читать. На стеклахъ на вершокъ льду. Съ потолковъ капель - все сквозное. Насъ какъ сельдей въ боченкѣ. Затопятъ шестью полѣнами печку, тепла нѣтъ (въ комнатѣ ледъ едва [отмер] оттаивалъ) а угаръ нестерпимый - и вотъ вся зима. Тутъ же въ казармѣ арестанты моютъ бѣлье и всю маленькую казарму заплескаютъ водой. Поворотиться негдѣ. Выйти за нуждой уже нельзя[,] съ сумерекъ до разсвѣта, ибо казармы запираются, и ставится въ сѣняхъ ушатъ, и потому духота нестерпимая. Всѣ каторжные воняютъ какъ свиньи и говорятъ, что нельзя недѣлать свинства, дескать «живой человѣкъ<>>». Спали мы на голыхъ нарахъ, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голыя. Всю ночь дрогнешь. Блохъ, [и] вшей и таракановъ четвериками. Зимою мы одѣты въ полушубкахъ, часто сквернѣйшихъ, которые почти не грѣютъ, а на ногахъ сапоги съ короткими голяшками - изволь ходить по морозу. Ъсть давали намъ хлѣба и щи, въ которыхъ

полагалось $\frac{1}{4}$ фунта говядины на человека; но говядину кладут рубленую и я ее никогда не видалъ. По праздникамъ каша, почти совсѣмъ безъ масла. Въ постъ капуста съ водой и почти ничего больше. Я разстроилъ желудокъ нестерпимо и былъ нѣсколько разъ боленъ. Суди можно-ли было жить безъ денегъ, и еслибъ не было денегъ я-бы непременно померъ и никто, никакой арестантъ, такой жизни не вынесъ-бы. Но всякій что нибудь работаетъ, продаетъ, и имѣетъ копѣйку. Я пилъ чай и ѣлъ иногда свой кусокъ говядины и это меня спасало. Не курить табаку тоже нельзя было, ибо можно было задохнуться въ такой духотѣ. Все это дѣлалось украдкой. Я часто лежалъ больной въ Госпиталѣ.

// л. 17 об.

Отъ разстройства нервовъ у меня случилась [под] падучая, но впрочемъ бываетъ рѣдко. Еще есть у меня ревматизмы въ ногахъ. Кромѣ этого я чувствую себя довольно здорово. Прибавъ ко всѣмъ этимъ пріятностямъ /почти/ невозможность имѣть книгу, что доста[тъ]/нешь/, то читать украдкой, вѣчную вражду и ссору кругомъ себя, брань, крикъ, шумъ, гамъ, всегда подъ конвоемъ, никогда одинъ, и это четыре года безъ перемѣны, - право можно простить, если скажешь что было худо. Кромѣ того[,] всегда висящая на носу отвѣтственность, кандалы, и [стѣсн] полное стѣс[т]/н/еніе духа и вотъ образъ моего житья бытя. Что сдѣлалось съ моей душой, съ моими вѣрованіями, съ моимъ умомъ и сердцемъ въ эти четыре года - не скажу тебѣ. Долго рассказывать. Но вѣчное сосредоточеніе въ самомъ себѣ, куда я убѣгалъ отъ горькой дѣйствительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надеждъ такихъ, объ которыхъ я и не думалъ. Но это все загадки, и потому [мимо.] мимо: Одно: не забудь меня и помогай мнѣ. Мнѣ нужно книгъ и денегъ. Присылай ради Христа.

Омскъ гадкій городишка. Деревьевъ почти нѣтъ. Лѣтомъ зной и вѣтеръ съ пескомъ, зимой буранъ. Природы я не видалъ. Городишка грязный, военный, и развратный въ высшей степени. Я говорю про черный народъ. Еслибъ не нашель здѣсь людей я бы погибъ совершенно. К. И. И-въ былъ мнѣ какъ братъ родной. Онъ сдѣлалъ для меня все что могъ. Я долженъ ему [ден[егъ]/ги/] /деньги./ Если онъ будетъ въ Петербургѣ [заплати ем] благодари его. Я долженъ ему рублей 25 серебромъ. Но чѣмъ заплатить за это радушіе, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, вниманіе и заботливость какъ объ родномъ братѣ. И не одинъ онъ! Братъ, на свѣтѣ очень много благородныхъ людей.

Я уже писалъ что твое молчаніе иногда меня [муч] мучило. Спасибо за присылку денегъ. Съ первымъ же письмомъ (хотя-бы и официальномъ, ибо не знаю еще могу ли тебѣ передавать теперь извѣстія), съ первымъ же письмомъ, пиши мнѣ подробнѣе обо всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ,

// л. 18

объ [женѣ] /Эмилиі Ѳедоровнѣ/, дѣтяхъ, обо всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, объ московскихъ, кто живъ, кто умеръ, о твоей торговлѣ; напиши на какой капиталъ ты сталъ торговать, выгодно-ли, есть-ли у тебя что нибудь, и наконецъ можешь-ли ты мнѣ помогать деньгами, и сколько ты въ состояніи мнѣ пересылать ежегодно.

Но денегъ не посылай [по] [но] въ официальномъ письмѣ, развѣ если я не найду тебѣ другаго адреса. Покамѣстъ пересылай отъ *Михайла Петровича* (понимаешь). Но у меня еще есть деньги; за то книгъ нѣтъ. Если можешь пришли мнѣ журналы на этотъ годъ хоть Отечествен. Записокъ. Но вотъ что необходимо: Мнѣ надо (крайне нужно) историковъ древнихъ (во Французск. переводѣ) и новыхъ *), экономистовъ и отцевъ церкви. Выбирай дешевѣйшія и компактныя изданія. Пришли немедленно. Я коман[н]дированъ въ Семипалатинскъ, почти въ Киргизс[ск]/к/ую степь[;]/./ - Адрессъ я тебѣ вышлю. Во всякомъ случаѣ вотъ [оди] онъ: въ *Семипалатинскъ Сибирскаго линейнаго № 7го батальона рядовому*. Это официальный адрессъ./ [и]/Н/а это/тъ/ присылай письма. Но для книгъ я вышлю другой. А покамѣстъ пиши отъ Михайла Петровича. Знай только что самая первая книга, которая мнѣ нужна - это Нѣмецкій Лексиконъ.

Не знаю что ждетъ меня въ Семипалатинскѣ. Я довольно равнодушень къ этой судьбѣ. Но вотъ кчему не равнодушень: Хлопочи за меня, проси кого нибудь. Нельзя-ли мнѣ черезъ годъ, черезъ 2 на Кавказъ, - все таки Россія! Это мое пламенное желаніе, проси ради Христа! Братъ не забывай меня. Вотъ я пишу къ тебѣ и распоряжаюсь всѣмъ, даже состояніемъ твоимъ. Но у меня вѣра въ тебя не погасла. Ты мой братъ и любилъ меня. Мнѣ нужно ден[ьги]/егъ/. *Мнѣ [ну] надо жить братъ. Не безплодно пройдутъ эти годы<.>* Мнѣ нужно денегъ и книгъ. Что истратишь на меня - [съ] не

*) Vico, Гизо, Тьерри, Тьера, Ранке и т. д. и т. д.

// л. 18 об.

3

пропадетъ. Ты не ограбишь своихъ дѣтей, если дашь мнѣ. Если только буду живъ, то имъ съ лихвой возвращу. Вѣдь позволяютъ-же мнѣ печатать лѣтъ черезъ шесть, а можетъ и раньше. Вѣдь много можетъ перемениться; а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мнѣ.

Мы увидимся братъ, очень скоро. Я вѣрю въ это какъ въ дважды два. На душѣ моей ясно. Вся будущность моя, и все что я сдѣлаю, у меня какъ передъ глазами. Я доволенъ своею жизнію. Одного только можно опасаться: людей и произвола. Попадешь къ начальнику, который не взлюбитъ (такіе есть) придерется и погубить[,] или загубить службой, а я такъ слабосилень, что конечно не въ состояніи нести всю тягость солдатства. «Тамъ все люди простые» говорятъ мнѣ въ ободреніе. Да простаго-то человѣка я боюсь болѣе чѣмъ сложнаго. Впрочемъ люди вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками, я, въ четыре года, отличилъ наконецъ людей. Повѣришь-ли: есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. [Я т] И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны. Я училъ одного молодаго черкесса (присланнаго въ каторгу за разбой) русскому языку и грамотѣ. Какою-же благодарностію окружилъ онъ меня! Другой каторжный заплакалъ разставаясь со мной. Я ему давалъ денегъ - да много-ли? Но за это благодарность его была безпредѣльна. А между тѣмъ характеръ мой испортился;

я былъ съ ними капризенъ, нетерпѣливъ. Они уважали состояніе моего духа, и переносили все безропотно. [Но] А propos: Сколько я вынесъ изъ каторги народныхъ типовъ, характеровъ! Я сжилъ съ ними, и потому, кажется, знаю ихъ порядочно. Сколько исторій[,] бродягъ и разбойниковъ <В рукописи: разбойникъ - ред.> и вообще всего черного, горемычнаго быта! На цѣлые томы достанетъ. Что за чудный народъ. Вообще время для меня непотеряно. Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ можетъ-быть не многіе знаютъ его. Ну это мое маленькое самолюбіе! Надѣюсь простительно.

// л. 19

Братъ! Пиши мнѣ непременно о всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ твоей жизни. Адресуй въ Семипалатинскъ оффиціально, и не оффиціально, какъ уже знаешь. Пиши об[ъ]/о/ всѣхъ нашихъ знакомыхъ петербургскихъ, пиши объ литературѣ (поболѣе частныхъ) и наконецъ объ Московскихъ. Что братъ Коля? Что (и это главное) что сестрица Сашенька? Живъ-ли дядя? Что братъ Андрей. Къ тѣткѣ я пишу черезъ сестрицу Вѣрочку по случаю. Письмо это въ тайнѣ. Ради Бога это письмо /мое/ держи въ тайнѣ и даже сожги: не компрометируй людей. Не забудь же меня книгами любезный другъ. Главное: историковъ, экономистовъ, Отецеств. Записки, отцевъ церкви и исторію церкви. Перешли въ разное время, но пересылай немедленно <В рукописи ошибочно: немѣдленно - ред.>. Я распоряжаюсь въ моемъ карманѣ какъ въ своемъ, но это оттого, что я не знаю твоихъ денежныхъ обстоятельствъ. Напиши мнѣ объ этихъ обстоятельствахъ[,] что нибудь точное, чтобъ я имѣлъ понятіе. Но знай, братъ, что книги - это жизнь, пища моя, моя будущность! Не оставь же меня, ради Господа Бога. Пожалуйста! Спроси разрѣшенія, можно-ли будетъ тебѣ послать мнѣ книгъ оффиціально. Впрочемъ осторожнѣе. Если можно оффиціально, то высылай. Если-жъ нѣтъ, то черезъ брата К. И-ча, на его-же имя; мнѣ перешлютъ. Впрочемъ К. И. будетъ самъ въ Петербургѣ, въ этомъ году; онъ тебѣ все расскажетъ. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь Декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа[!]/, и сколько они вытерпѣли!

Я постараюсь тебѣ найти другой адресъ изъ Семипалатинска, куда я отправлюсь черезъ недѣлю. Я еще немного не здоровъ и потому на нѣкоторое время задержанъ. (Пришли мнѣ Коранъ) (Critique de raison pure Канта) и если [когда ниб.] какъ нибудь въ состояніи мнѣ переслать не оффиціально, то пришли непременно Гегеля, въ особенности Гегелеву: Исторію философіи. Съ этимъ вся моя будущность соединена! Но ради Бога, старайся и проси объ моемъ переводѣ на Кавказъ, [да] да навѣдайся у людей знающихъ, можно ли мнѣ будетъ печатать, и какъ объ этомъ просить. Я попрошу года черезъ два или три. Вотъ до тѣхъ-то поръ корми меня пожалуйста. Безъ денегъ меня задавитъ солдатство. Смотри-же! Не поможетъ-ли мнѣ хоть чѣмъ нибудь другая родня, хоть на первый разъ? Въ такомъ случаѣ, пусть деньги даютъ тебѣ, а ты ужъ мнѣ пересылай. Впрочемъ я въ письмахъ къ Вѣрочкѣ

// л. 19 об.

и тѣткѣ, у нихъ не прошу. Догадаются сами, если сердце велить.

Филиповъ уѣзжая въ Севастополь, подарилъ мнѣ 25 руб. серебр. Онъ оставилъ ихъ у Коменданта Набокова, такъ что и я не зналъ. Онъ думалъ что у меня не будетъ денегъ. Добрая душа. Всѣ наши ссыльные живутъ по маленьку. Толь кончилъ каторгу; онъ въ Томскѣ и живетъ порядочно. Ястржембскій въ Тарѣ кончаетъ. Спѣшневъ въ Иркутской губерніи, пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Чудная судьба этого человѣка! Гдѣ и какъ онъ не явится, люди самые непосредственные, самые <В рукописи: самое – ред.> непроходимые, окружаютъ его тотчасъ-же благоговѣніемъ/мъ/ и уваженіемъ. Петрашевскій по прежнему безъ здраваго смысла. Момбелли и Львовъ здоровы а Григорьевъ, бѣдный, совсѣмъ помѣшался и въ больницѣ. А что-то у васъ? Видишься-ли ты съ М^{ме} Плещеевой, что сынъ. Отъ <В рукописи: Онъ - ред.> проходящихъ арестантовъ, я слышалъ что онъ въ Орской крѣпости и живетъ, а Головинскій давно на Кавказѣ. - Какъ ты съ литературой и въ литературѣ? Пишешь-ли что нибудь! Что Краевскій и въ какихъ вы отношеніяхъ. Островскій мнѣ не нравится, Писемскаго я совсѣмъ не читалъ, отъ Дружинина тошнить <В рукописи: тошнить - ред.>. Евгенія Туръ привела меня въ восторгъ. Крестовскій тоже нравится.

Много-бы хотѣлось мнѣ написать тебѣ; [да] но времени такъ прошло много, что я даже въ затрудненіи съ этимъ письмомъ. Но вѣдь не можетъ-же быть, чтобы мы много оба измѣнились другъ къ другу. Разцалуй дѣтей. Помнятъ-ли они дядю Ѳедю. Всѣмъ знакомымъ поклонъ: Но письмо это въ глубокомъ секретѣ. Прощай, прощай дорогой мой! Услышишь обо мнѣ и можетъ быть увидишь меня. Да увидимся[-же] непременно! Прощай. Прочти хорошенько все что я тебѣ пишу. Пиши ко мнѣ чаще (хоть официально. Обнимаю тебя <В рукописи: тебѣ - ред.> и всѣхъ твоихъ безсчетно разъ.

Твой <Росчерк пера. – Ред.>

P. S. Получилъ-ли ты мою: Дѣтскую сказку, которую я написалъ въ Равелинѣ. [Д]/Е/сли у тебя, то не распоряжайся ею и не показывай ее никому. Кто такой Черновъ, написавшій *Двойникъ* въ 50^{мъ} году? Да пришли мнѣ пожалуйста, сигаръ, не важныхъ, но американскихъ, и папирсъ, только непременно съ сюрпризомъ. [<нрзб.>]

// л. 20

22го числа Февраля.

Завтра, кажется я навѣрно ѣду въ Семипалатинскъ. К. И. будетъ здѣсь до Мая. Я думаю что ты можешь, если захочешь мнѣ что нибудь переслать - книгъ н<а>примѣръ, прислать еще на прежнее имя Михайл<а> Петровича.

На Семипалатинскъ я можетъ быть дамъ тебѣ другой адрессъ (не-официальный)<.> Официально-же пиши мнѣ непременно, какъ можно скорѣе и чаще. Ради Бога похлопчи за меня. Нельзя-ли мнѣ на Кавказъ, или куда нибудь вонъ изъ Сибири. Теперь буду писать романы и драммы, да много еще, очень много надо читать. Не забывай-же меня и еще разъ прощай. Перецалуй дѣтей. Твой <Росчерк пера. – Ред.>

до свиданія

// л. 20 об.